

⁵⁴ «Песня Еремушке» — стихотворение Н. А. Некрасова, появившееся в 1859 году, пользовалось огромной популярностью среди передовой молодежи как призыв к революционному делу.

⁵⁵ «Стонет сизый голубочек», стихотворение И. Дмитриева (1792), романс, в ту пору совершенно устаревший.

⁵⁶ «Много красавиц в аулах у нас» и т. д. из «Героя нашего времени» Лермонтова, Песня Казбича. Ср. «Черкесскую песню» в «Измаил-бее» его же.

⁵⁷ «Не женися, молодец. Слушайся меня...» из «Измаил-бея» Лермонтова «Черкесская песня».

⁵⁸ «Красив Брингала брег крутой» и т. д. — романс Вальтер-Скотта в переводе Каролины Павловой. «Отеч. записки», 1840 г., т. X. Эта песня привлекала Чернышевского, несомненно, потому, что он в ней находил аналогию к известному эпизоду его отношений с Ольгой Сократовной, когда перед женитьбой он предупреждал ее, тогда свою невесту, о том, что его жизненный путь будет опасным. Речь шла о поднимающемся в народе революционном движении и о готовности самого Чернышевского полностью отдать себя делу революции. «...Готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю скорее. А если вспыхнет, я, несмотря на свою трусость, не буду в состоянии удержаться. Я приму участие». — «Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня». — «А чем кончится это? Каторгою или виселицею. Вот видите, что я не могу соединить ничьей участи со своей». Этот разговор со своею невестою Чернышевский записал в своем «Дневнике» 1853 года, и теперь из крепости он песнею напомнил об этом Ольге Сократовне.

⁵⁹ «Месяц плывет и тих и спокоен» и т. д. из «песни Селима» в «Измаил-бее» Лермонтова.

⁶⁰ «Да разлетится горе в прах. И в обновленные сердца да снидет радость без конца» — из стихотворения Некрасова «Новый год» (1852 г.).

⁶¹ «Черный страх бежит как тень от лучей, несущих день» — из стихотворения Томаса Гуда (1798—1845) «Стансы», в переводе М. Михайлова. «Современник», 1862 г., № 4.

К ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Беловик и корректурные листы печатавшегося в «Современнике» романа не сохранились. Зато среди рукописей Чернышевского, относящихся к крепостному периоду его жизни и находящихся в настоящее время в Москве в Архиве Революции и внешней политики, сохранился черновик «Что делать?» — 59 перенумерованных полулистов обыкновенной писчей бумаги, без линеек, чрезвычайно густо исписанных с обеих сторон весьма убористым почерком. На оборотной стороне полулиста № 36 находится заметка, сделанная Чернышевским 23 января 1863 г.:

«Отсюда начинаю писать сокращенно, как писаны все мои черновые, — это я делаю потому, что, надеюсь, Комиссия уже достаточно знакома с моим характером, чтобы знать, что в моих бумагах не может быть ничего противозаконного. Притом же, ведь это черновая рукопись, которая переписывается набело без сокращения. Но если непременно захотелось бы прочесть эти черновые страницы романа, я готов прочесть их вслух (это легче) или дать ключ к сокращениям».

Действительно, дальше черновик писан с применением сокращений и условных знаков: опускаются целые слоги, применяются особые знаки для времен глаголов, для местоимений, для некоторых слов, иногда вместо целого слова стоит одна-две буквы, и т. п. По такой же методе сокращений и условных обозначений писал Н. Г. Чернышевский в 1848—1853 гг. свой «Дневник». Зашифрованный текст составляет около половины всего романа (стр. 232—234 настоящего тома). Последние страницы романа, вероятно, были писаны прямо начисто: в черновике имеются только разрозненные отрывки их.

Сличение чернового текста с напечатанным в «Современнике» показывает, что, переписывая роман набело, Чернышевский подвергал его значительной стилистической переработке: нет почти ни одной страницы, которая в печатном виде сохранила бы свой первоначальный облик. Помимо авторской правки текст, несомненно, испытал на себе и тяжелую руку цензуры, а местами, возможно, был изменен редакцией «Современника». В общем и целом первоначальный текст значительно короче. Однако в напечатанном в «Современнике» мы не находим, например, довольно значительной части рассуждений Крюковой в ее рассказе (стр. 484—486) настоящего тома, не находим разговора Кирсанова с «просвещенным мужем» (стр. 591—596). Эти выпуски, скорее всего, сделаны цензурой. С другой стороны, ч. III пролога романа (стр. 722—724 настоящего тома), несомненно, опущена самим автором, заменившим малохарактерную фигуру выведенного в ней в качестве «посредника» между Верой Павловной и исчезнувшим Лопуховым Копанцева Рахметовым. Некоторые места романа переделывались автором не раз. В черновике отсутствует посвящение романа «моему другу О. С. Ч.». Девичья фамилия Веры Павловны в разных местах пишется по-разному: то Расальская, то Розальская; Рахметов в одном (зачеркнутом) месте назван Нальчиным, затем во многих местах — Рахмановым; Катерина Васильевна Полозова фигурирует сначала под фамилией Хвойницкой и Хвойницыной; Сторешников часто называется Скорешниковым.

По датам на полях рукописи видно, что черне роман был окончен 2 марта.

О темпе работы автора над романом можно судить по тем же датам в сопоставлении со страницами настоящего издания, к которым они относятся (причем надо иметь в виду, что в это же время Чернышевский переводил «Всемирную историю» Шлоесера и «Историю XIX века» Гервинуса и перевел в общем не менее 25 печатных листов):

Страницы	Даты	Страницы	Даты	Страницы	Даты
337	14 дек. 1862	462	6 янв. 1863	535	10 февр. 1863
338	16 " "	473	8 " "	537	11 " "
341	17 " "	478	11 " "	547	13 " "
361	19 " "	480	10 " "	560	14 " "
363	20 " "	491	17 " "	563	15 " "
374	21 " "	493	18 " "	594	18 " "
378	22 " "	494	23 " "	602	19 " "
385	24 " "	497	25/27 " "	578	21 " "
392	25 " "	498	28 " "	585	23 " "
400	27 " "	499	29 " "	608	24 " "
403	29 " "	505	30 " "	610	25 " "
413	30 " "	506	31 " "	622	26 " "
421	31 " "	514	1 февр. 1863	630	27 " "
431	1 янв. 1863	518	5 " "	633	1 марта 1863
436	2 " "	521	6 " "	636	2 " "
443	3 " "	522	7 " "	597	3 " "
450	4 " "	527	8 " "	577	21 " "
458	5 " "	230	9 " "		

Интересно отметить, что образ Рахметова Чернышевский набросал к концу и после своей девятидневной голодовки (начало февраля 1863 г.), а четвертый сон Веры Павловны — накануне и в день первого свидания в крепости с женой (23 февраля 1863 г.).

К последней части «Что делать?» Н. Г. Чернышевским была приложена следующая

«Заметка для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова¹.

Если бы у меня был талант, мне не было бы надобности прибегать к таким эффектам в стиле Александра Дюма-отца, автора Монте-Кристо, как пришивка начала второй части романа к хвосту первой. Но при бесталанности это дозволительно и полезно. — Вторую часть я начну писать не ско-

¹ Оригинал находится в Ленинграде в Инст. литер. Ак. Наук СССР.

ро. — в ней новые лица, на градус или на два повыше, чем в первой; потому, надобно дать пройти несколько времени, чтобы Вера Павловна с компаниею несколько сгладились в памяти, чтобы новые лица не сбивались на старые, — например, дама в трауре на Веру Павловну. — Итак, вторая часть будет готова к печати осенью или зимой, следовательно, пройдет правдоподобный срок со времени пикника, с которого начинается действие второй части; оно идет очень быстро, всего с месяц. Общий план второй части таков: дама в трауре — та самая вдова, которая была спасена Рахметовым в третьей главе. Она, видите ли, убивается из-за любви к нему. И сей герой взаимно. Кирсановы и Бюмонты, открыв такую нежную страсть, лезут из кожи вон помочь делу. И отыскивают одного Рахметова, уже прозябающего в Северной Пальмире. С разными взаимными объяснениями обоих сих любящихся свадьба устраивается. — Из этого видно, что действие второй части совершенно отдельно от первой и что первой части только искусственно придан вид недоконченности прибавкою пикника. — Но я очень дорожу этой прибавкою и шестою главою, как беллетристическою хитростью.

Общая идея второй части: показать связь обыкновенной жизни с чертами, которые ослепляют эффектом неопытный взгляд, — изложить истину, что у Наполеона или Лейбница тоже, как и у всех людей, были две руки, две ноги, нос, два уха, а не то что пять голов, как у Браммы, или сто рук, как у Шивы. — У меня так и подделано: и Рахметов, и дама в трауре на первый раз являются очень титаническими существами; а потом будут выступать и брать верх простые человеческие черты, и в результате они оба окажутся даже людьми мирного свойства и будут откровенно улыбаться над своими экзальтациями.

4 апреля 1863.

Н. Чернышевский.

Обещанная в этой заметке вторая часть «Что делать?» не была написана.

Дополнения

Приводим более значительные отрывки, в рукописи зачеркнутые или стоящие особняком, указывая в прямых скобках страницы настоящего издания, к которым они относятся.

[К стр. 341]

III

Вторая завязка

Часа через два к той же даче, где теперь осталась одна Вера Павловна, ехал на извозчике человек уже немолодой, с лицом озабоченным и недовольным. При всей своей солидности, он делал гримасы, полунасмешливые, полупечальные. Лошадь у извозчика была порядочная и бежала очень хорошо, а солидный господин все погонял: «Ведь сказал тебе, что прибавлю сверх уговора гривенник, если поедешь хорошо, — а ты все опускаешь вожжи. Видишь, человеку нужно, жалости в тебе нет».

— Барин, право, хорошо едем, всех обгоняли по дороге, две кареты барских обогнали.

— Ну, ну, хорошо, пятиалтынный прибавлю, — сказал усовещенный барин и стал уже бормотать про себя — он бормотал всю дорогу.

«Вот полтинника и нет в кармане, — размышлял он, — а все по глупости приятеля. Если бы поступил этот сумасброд, как следует благоразумному человеку, сел бы я в дилижанс, заплатил бы 15 копеек. А теперь теряю полтинник. Уже не считаю того, что время трачу, ну, без этого нельзя в таких случаях. Да нет, и времени-то вдвое больше потерю по его глупости, чем понадобилось бы, если бы он распорядился умно. Ну, застрелился, так застрелился, — почему и не сделать так, если нужно — да делай же умно, чтобы другим хлопот лишних не было. Приготовил бы понемножку, легонько, — ну, она бы и приняла спокойнее, и мне бы не пришлось столько возиться с нею. А то вдруг бухнул, как обухом по лбу, бедную женщину, а друзья и приводит в порядок».

Как есть сумасшедший. Да и я хорош: на неделе семь раз зарекаюсь в чужие дела не входить, — своих заглаза довольно, — так нет же вот, ведь опять сам я навязался. Да когда ж это я буду умнее? — Ну, за что же, впрочем, я на себя бранюсь? Для Лопуховой, точно, можно было сделать исключение, — да и все-то они славные люди. Славные люди? Что ж, что славные люди? За них за всех не нахлопочешься, это они в мое время были в диковинку, а теперь они, как грибы, растут. А какая, в самом деле, хорошая молодежь стаа заводиться, — и разводится, заметно разводится. Вот опять скажу про себя: не женился в свое время, — почему? ведь смешно подумать: дочь родится — не встретит порядочного человека, за которого бы можно было с спокойной совестью выдать хорошую девушку, сын родится — и подавно не встретит порядочной девушки, которая бы стоила быть женою порядочного человека. Да, в мое время так было. Я так и распорядился своей молодостью по Жоржу Занду, по Лелии, по рецепту в этом гимне, который она поет при своем предложении: «Сказали нам тираны наши: пойте песнь любви. Нет, мы запрем для любви сердца свои, вы недостойны, чтобы мы любили вас. Будьте людьми, тогда будет вам и любовь». — Отличный гимн. Да, в ее [время] там у них, а в мое время у нас, был он справедлив. Да как же я не рассудил, что ведь детям-то будет лучше жить, чем матерям да отцам? Вот и теперь, ведь уже очень порядочное время, а через десять-то лет, когда подросли бы мои дети, и еще лучше будет. Славное время, славное время. А я-то и не рассчитал тогда. Говорю себе: «не годится, братец, производить на свет людей, чтобы им так же скверно жилось, как тебе». Ну, и не женился. Вот теперь — старый холостяк, и вожусь с детьми двадцати семей, потому что своей семьи нет. А с своею-то, с одною-то меньше было бы хлопот. Трудновато, трудновато с такою-то обузою. Ну, да что делать? ведь нельзя же и не любить-то кого-нибудь, ну а если родственных-то предпочтений нет, так как же и не полюбить-то человека, когда стоит? Ну, а полюбил, так уж и возись, и хлопочи, — взялся за гуж, не говори, что не дюж, тяни лямку, тяни, Владимир Петрович... Стой, братец, доехали. Вот тебе полтинник, а вот еще пятак, — видишь, двадцать копеек прибавил. Хорошо ехал, молодец!».

— Здравствуй, Маша! Давно не видались! Да какая ты славная стала! Беленькая, румяная, полная; а какая была замарашка да испитая, помнишь? Давно ли? У хороших-то людей хорошо и сироте жить. Правду я тебе говорил, что к дурным людям тебя не поведу? А свадьба-то скоро будет? Нашла шафера или меня позовешь?

— Ах, Владимир Петрович, не до свадьбы мне теперь! Вера Павловна такая печальная, что...

— Знаю, как бы не знал, так бы и не поехал. А ты думала, на тебя любоваться приехал? за делом приехал. Без дела нигде не бываю.

— Я не знаю, как быть, Владимир Петрович: Вера Павловна приказали не принимать никого.

— Меня-то не принять? Ступай, скажи, — примет.

Маша пошла доложить.

— Нет, Владимир Петрович, и вас не хотят принимать. Приказали просить извинения.

— Вишь-ты! Ну-ко, давай стул. Он сел и написал несколько слов. Отдай Вере Павловне, я подожду, что скажет.

Маша понесла записку.

— Приказали просить.

— Говорил тебе. Еще не родился на свет тот человек, чтоб от меня отъезжая, коли хочу навязаться.

Комната Веры Павловны представляла небольшую ярмарку. Стол, диван, стулья были завалены платями, пеньюарами, мантильями, всяким подобным тряпьем. Бойкая женщина с еврейской физиономиею перебирала его.

— Продолжайте смотреть без меня, Рахель. Когда пересмотрите, отдадите мне деньги, сколько стоит. Я знаю, вы меня не обсчитаете.

— Наше дело на том стоит, чтобы обсчитывать, Вера Павловна, — смеясь сказала Рахель, совершенно чистым выговором как природная русская, — но вас-то я не обсчитаю, это верно.

— Знаю, Рахель. Здравствуйте, Владимир Петрович.

— Да разве мы так здороваемся? — Он взял ее головку, поцеловал ее в лоб. — А правый-то глаз заплакан, надобно и его поцеловать, да и левый-то тоже.

— Пойдемте в зал и скажите мне, что он вам говорил вчера.

— У вас тут негде говорить-то, — вся дача с ореховую скорлупу. Надевай-те шляпку, пойдем в Минеральный сад, он теперь пуст.

Она шла твердою поступью. Никто не подумал бы, смотря на ее легкую походку, что эта женщина убита горем. По лицу можно бы заметить, — оно осунулось в эти немногие часы; но опущенная вуаль скрывала это.

— Я вам написал, — начал Владимир Петрович, когда они вошли в сад. — я вам написал, что он сидел у меня после того, как отдал на почту письмо к вам. Просидел до половины второго. Мы много толковали, и кое-что из этого он поручил мне передать вам.

— Он вам сказал, что хочет сделать?

— Сказал.

— И вы не удержали его?

— Нет, не удержал; да и не удерживал. Ведь, все равно, не послушался бы. Но вы дайте мне говорить, — вы-то мне нового ничего не скажете, а он мне велел сказать вам вещи важные. Ну-с, так вот — да я не люблю принимать поручений без письменных документов — нужно, знаете, и себя обеспечивать. Так вот он и выдал мне документ, — извольте прочесть, — а то и оставьте у себя на память, если хотите.

Он подал ей записочку. Она прочла:

«12-го июля, час ночи. Владимир Петрович Копанцев передаст тебе, Вера, мою просьбу. Но прежде, чем ты узнаешь ее, дай себе слово исполнить ее. Я слушался тебя всегда во всем — послушайся меня один раз — исполни мою просьбу, мою последнюю просьбу. Снова говорю тебе: «прости».

— Исполню, — сказала Вера Павловна.

— Это хорошо. Слушайте же. — Он стал говорить шопотом.

[К стр. 400]

Но Марью Алексеевну я хочу защищать, потому что недолюбливаю ее, — у меня такая привычка: кого не могу терпеть, того не могу не защищать. Нам случилось видеть ее в таких отношениях, в которых она представляется очень дурною женщиною, — да и нельзя было бы нам увидеть ее в другом свете, потому что, с какой стороны ее ни возьми, все-таки она очень дурная женщина. Но позвольте, однако же, что ж в ней особенно дурного? Она грубовата, — только тем и отличается от Анны Ивановны, Марьи Ивановны, Настасьи Ивановны, Анны Петровны, Марьи Петровны, Настасьи Петровны, Анны Васильевны, Марьи Васильевны, Настасьи Васильевны, с которыми вы знакомы, с которыми вы почтительны и внимательны, с которыми вы даже дружны. Половина мужчин и половина женщин ничуть не лучше ее, — напротив, она лучше большей доли из них, потому что она умна. Что делает она особенного? Заманивает богатого жениха, принуждает дочь идти за него. — только. Какая же тут редкость? Какое тут необычайное злодейство? — Она ругается? — Простите ее, она не воспитывалась в пансионе. — Она выпивает? — Правда, но ведь это только особая форма того же самого, что делают другие, услаждая тем или другим свой желудок — она не так воспитана, чтобы наслаждаться изяществом каких-нибудь десертов или конфет или печений — где ей!

[К стр. 420]

— Милый мой! — она бросилась к нему на шею: — ты видишь, я плакала, это от радости. («Что это? что это? как же это?») Ты меня останавливаешь? Ты не хочешь, чтоб я обняла тебя?

Он выпустил ее руки, которые взял, не допустил их обнять себя, поднес к своим губам и целовал. («Да, это уж слишком грубо. Как будто оттолкнуть! В такую минуту! Оскорбление святейшего порыва!»)

— Верочка, прости меня, прости меня. Ты видишь, какой я дурной, какой я холодный. Я педант, Верочка, жалкий педант. Нет, этого нельзя простить! Но, — бери меня, каков я есть — лучшего ты не встретила. Встретишь.

— Милый мой, ты видел, я плакала, когда ты вошел — это от счастья.
— Дайте вашу руку, — он взял и целовал ее руку. — Нам не нужно было говорить, что мы любим друг друга, — да и говорили. И все целовал ее руку.
— Да поцелуй же наконец, — сказала [она] и покраснела и засмеялась.
Он поцеловал ее в лоб, взял ее волосы и начал целовать их.
— Ну, и я тебя не поцелую, если так.
— В церкви, Верочка.
— С твоими понятиями? С понятиями, которыми ты уже и мне набил половину моей простенькой головы? Ах, какой ты смешной! — И она расхохоталась.
— Смешной, Верочка. — И он засмеялся.
— Это так твоя невеста велит?
— Так она велит.
— Да ты разве то говорил? Ведь ты говорил все: никаких стеснений, никаких условий, никаких форм, — все это вредно, безразлично.
— Так и будет, Верочка. Но пока этого нет, будем показывать, Верочка, что мы требуем этого для других, не для себя. Мы требуем богатства людям, — мы сами должны оставаться бедны. Мы требуем...

[К стр. 437]

— Эх, старый приятель, ничего нельзя придумать. Но «психология учит» — помните, как мы резались с вами — я за Гегеля, вы за Канта, — и после мы с вами сошлись на одном, бросив старых своих любимцев, — так психология учит, что, когда ум утомлен одним предметом, надобно дать ему отдых, заняться другими, и в это время вдруг может пролиться неожиданный свет на прежний предмет. Видите, схоластика-то как въелась? По силлогизмам рассуждаем. Потолкуемте о другом, потом вернемся к этому и рассудим окончательно. Каково поживают мои другие старые знакомые? Целый год ни с кем из вас не видался. Что-то нового в естественных науках? расскажите-ка, я послушаю.
— Эх, Алексей Петрович, не то в голове.
— А вы сделайте усилие, — на что же воля у человека? Правда, что ее нет, — ну, да по крайней мере так говорится.

[К стр. 495]

Он подумал было, что лучше всего будет уехать на время из Петербурга, и приискал хороший предлог: стал говорить, что очень заинтересовался вопросом о климатическом влиянии на здорового и больного и думает сделать поездку для этого по местностям, климат которых отличается резкими особенностями. Поездка продлится полгода, может быть, в это время близкие отношения рассохнутся. Но чтоб поездка не возбудила размышлений своей неожиданностью, а размышления не повели к открытию ее причины, надобно было приучить к мысли о ней — на это требовалось недели две-три. Он и подготовлял, и начал уже хлопотать о получении командировки или отпуска от службы.

Однажды сидели у Лопуховых вчетвером [они], он и борец-атлет. Атлет не принимал никакого участия в разговоре: он пришел только послушать пение Веры Павловны и не охотник был говорить ни о чем, кроме серьезных вопросов науки и дел жизни, а разговор был на его беду легкий, поверхностный, — он курил, слушал и наблюдал. Не было заметно ровно ничего особенного: Кирсанов не взглянул ни одного лишнего раза на Веру Павловну, не отвел от нее своего взгляда ни одного лишнего раза, держался совершенно непринужденно, как и всегда: ведь, кажется, Лопухов был зоркий человек, да и Вера Павловна тоже, — не замечали ж они ничего. Но Наальчин явился на другое утро к Кирсанову.

— Скажите, Александр Матвеевич, люблю я мешаться в чужие дела?

— Ваша единственная слабость, Петр Захарович, то, что вы думаете, будто вы не любите мешаться в чужие дела, между тем как вы беспрестанно заняты ими, — отвечал Кирсанов голосом, шутливость которого была несколько натянута.

— Да, мешаюсь в них не по охоте, а потому, что так надобно. — но люблю я мешаться в них, Александр Матвеевич?

— Кто же это знает? — отвечал Кирсанов тем же тоном.

— Хорошо. Все-таки вы признаете, что я никогда не мешаюсь в дела пустые, что я высказываю свое мнение только тогда, когда от того или другого решения дела зависит что-нибудь важное. Но это предисловие лишнее. Вы видите, что я хочу говорить с вами о вашей поездке. Имеете ли вы право уезжать? Я не знал этого, вчера я увидел, что вы не имеете его. Вы знаете, я личные дела рассматриваю с общей точки зрения. Для меня лиц нет. Для меня человек, с которым я говорю, существует только как представитель тех или других сил, имеющих известное влияние на жизнь других людей. Вы держали себя вчера так, что и наблюдатель, гораздо более проницательный, чем я, не заметил бы ничего, если б смотрел на вас только как на частное лицо. Но я был занят вашею поездкою с общей точки зрения, и потому я понял ее причину. Общей, научной или какой-нибудь другой причины я найти не мог для нее, следовательно, она должна иметь какую-нибудь личную причину. Я видел вчера, что...

— Я не любила бы видеть вас в гостях у себя, А. М., если б обязана была наливать вам чай, — только и спасает вас от моего ожесточения наш договор, что вы сами заведуете своим чаем. Посмотрите, эти господа уже давно освободили меня от забот хозяйки, а вы все еще пьете и пьете.

— Он всегда отличался этим, — сказал Л., — когда мы с ним жили вместе, всегда сидел и за обедом и за чаем вдвое дольше меня: он гастроном. А мне было бы скучновато сидеть долго за В старину, когда я кутил, у меня с вином было то же, что с чаем: я одним разом... я очень любил его, но не любил отдавать ему много времени.

— Да, у Дмитрия совершенно другая привычка: посмотрите, как он курит — большими глотками.

— С вином было то же, что теперь с чаем: я очень любил его, но не любил отдавать ему много времени. Поэтому я и теперь не люблю слабых вин — их скучно пить. Я понимаю, что хороший сотерн — очень прекрасное вино, но оно не для меня.

— Это односторонность, Дмитрий: я точно так же люблю сотерн, как и самое крепкое.

Да знаете ли, мой идеал, к сожалению, недостижим. Я встретился с ним в почтовой карете, когда за год до окончания курса ехал к родным на каникулы. В карете было 4 места. Подле меня сидел молодой русский купец, очень порядочный человек, против меня старичек-немец, подле немца, против купца — немка, девушка очень хорошей фамилии, она была знакома со всеми главными действующими вовсе не родная и не знакомая соседу-немцу — он был из Ревеля, она ехала в Москву из Штутгарта. Немец не обращал на нее внимания, купец не говорил по-немецки, один я почувствовал призвание развлекать ее, и мы разговорились с . . . и она стала рассказывать мне, что едет в Москву из Штутгарта, всего только 4-й день в России, однако уж успела заметить много печальных странностей в наших привычках, на все смотрела с любопытством, потому что остается жить в России. Мы с купцом не курили из уважения к даме, которой, может быть, это было бы очень неприятно. Ведь она разговаривала со мною и могла бы сказать мне, чтоб я не стеснялся курить, спросить меня не курю ли я, если бы ей не был неприятен табачный запах. Но она не говорила, чтоб мы курили, не стеснялась ее, — значит табачный запах неприятен для нее. Но немец не поцеремонился и с первой станции вернулся в карету с сигарою в зубах. Мы посмотрели, что из этого будет. Прошло четверть часа, полчаса — дама не морщилась. Купец ободрился и закурил папиросу. — Но когда он докурил до половины, моя немка очень деликатно сказала: извините меня перед нашим спутником, но у меня начинает болеть голова, я очень досажаю

[К стр. 506]

Дня через два после этого Лопухов вошел к Кирсанову и сказал очень просто:

— Я зашел звать тебя к нам, — ты нас совсем забыл.

— С удовольствием, только вы не претендуйте на мою забывчивость: ты знаешь, сколько у меня работы. Но, пожалуй, нынешним вечером я могу располагать.

В самом деле, отказаться не будет ли неловко; не возбудит ли это подозрений? Нет, нисколько.

— У меня нынешний вечер занят, Дмитрий, но в другой день — когда хочешь. Но вы не сердитесь на меня: ты знаешь, я от души люблю вас, но у меня столько занятий.

(— Понятно, Александр, ты готовишься к экзаменам.

— Каким? Я, кажется, уж выдержал все, какие нужно, — не то, что ты, недоучившийся студент.

— А что, Александр, как ты думаешь: порядочные люди наблюдают друг за другом?

— С ученою целью — почему порядочному человеку не наблюдать и другого порядочного человека, как всякое другое существо? Но с житейской, я теперь говорю, не стоит наблюдать человека тому, кто знает людей: и без наблюдений можно все знать и видеть вперед.)¹

— Ну, когда случится, только пожалуйста не забывай нас. Ты нас не боишься?

— С какой стати?

— Так.

— Дмитрий, чем я подал тебе повод так говорить со мною?

— А разве нужны поводы, Александр, и что особенного я сказал? ничего. Я просто пошутил. Но ты, кажется . . . послушай, что я тебе скажу еще, так, в шутку: как ты полагаешь: мы с тобою знаем человеческое сердце?

— Не знаю, знаем ли мы его, но ты знаешь.

— Слушай, Александр, я тебе предложу чисто теоретический вопрос: ревность естественное чувство, или нет?

— Вероятно.

— Мы были с тобою дружны, или нет? Тянуло нас делить время друг с другом, или нет?

— Да.

— Осталось это чувство во мне, расположение во мне? Ты молчишь?

— Да.

— А в тебе? Я постоянно захожу к тебе.

[К стр. 511]

Далее, план только

I Возвращение К. достаточно оправдывалось: он в 4 месяца рассеяния запустил работу, теперь спустил ее, снова имеет свободное время. Поэтому В. П. ничего не заметила, но замечает: он с нею обходится не так, как с другими. И почему он таскает с собою повсюду Лопухова?

II Разговор. К. говорит: счастлива женщина, которая имеет такого мужа, как Л., называет ее, нет, под другим именем.

1/2 III² III. Через полтора месяца. В. П. бежит к мужу: Я люблю его

— Ну, так что ж? — Нет, я ему сказала, чтоб он не бывал у нас.

IV Через три дня. Муж говорит: Верочка, не лучше ли было бы нам поселиться... я давно не виделся с родными, я съезжу.

— Как? Ты смеешь? Сцена.

¹ Взятое в скобки в рукописи зачеркнуто. — Ред.

² То есть половина третьего. — Ред.

3/4 III. V. Через неделю. Нет, мой друг, прости меня, я не могу жить без него, но как я люблю тебя!

1/2 IV. VI. Она стеснена — Л. думает: когда переедем на дачу, ничего — переезжают — сначала действительно ей легче.

1/2 VI VII Через два месяца. Нет, то же, потому что зависимость от доброты, милости мужа.

VIII То, что в начале повести.

IX. Приходит ригорист.

Глава IV. 1. Письмо Л. — 2. Ответ В. и К. 3. 4-й сон Верочки 5 глава готов план. Через полгода: буду медиком. Может быть, в 4 главе только

[К стр. 521]

XXVIII

Обыкновенные люди и особенный человек.

Часа через три после того, как ушел Кирсанов, Вера Павловна опомнилась, и одною из первых ее мыслей было: нельзя же так оставить мастерскую. Да, хоть Вера Павловна и любила доказывать, что мастерская идет сама собою, но ведь, в сущности, знала, что только обольщает себя этою мыслью, а на самом деле мастерской необходима руководительница, иначе все развалится. Впрочем, теперь дело уж очень установилось, и можно было иметь очень мало хлопот по руководству им. У Мерцаловой было двое детей, но час-полтора в день, — да и то не каждый день, — она может уделить; она наверное не откажется, — ведь она и теперь много занимается в мастерской. Вера Павловна начала разбирать свои платья, свои вещи для продажи, — а сама послала Машу: сначала к Мерцаловой — просить ее приехать, потом к торговке старым платьем, а подстать и всякими вещами, Рахели, одной из самых ловких и оборотливых евреек, но доброй знакомой Веры Павловны, с которой Рахель была безусловно честна, как со всеми порядочными людьми почти все еврейские мелкие торговцы и торговки. Маша должна была сначала заехать с Рахелью на городскую квартиру, собрать там все, все оставленные в городе платья и вещи, по дороге заехать к меховщику, которому отдано было на сохранение зимнее платье, и потом со всем этим ворохом Рахель должна была приехать на дачу, чтобы хорошенько оценить все и купить все гуртом.

Когда Маша выходила из ворот, ее встретил Рахметов, уже с полчаса бродивший около дачи.

— Вы уходите, Маша? Надолго?

— Должно быть, придется воротиться уж поздно вечером. Много поручений.

— Вера Павловна остается одна?

— Одна.

— Так я зайду, посижу вместо вас, — может быть, случится какая-нибудь надобность.

— Ах, пожалуйста, а то боялась за нее.

Кроме Маши и равнявшихся ей или превосходивших ее простотою души и платья, все немного побаивались Рахметова, — и Лопухов, и Кирсанов, и все, не боявшиеся ничего и никого, иногда чувствовали перед ним некоторую трусоватость. Но Маша и равнявшиеся ей или превосходившие ее, сильно благоволили к нему. — Он вошел, сказал Вере Павловне, что уж он все знает, и приехал просидеть у нее вечер, на всякий случай, не понадобятся ли ей его услуги. Услуги были бы нужны, пожалуй, хоть сейчас — помогать в хлопотах по разборке вещей, и всякий другой на месте Рахметова в одну и ту же секунду и был бы приглашен, и сам вызвался бы заняться этим. Но Вера Павловна, поблагодарив его за внимательность, не попросила пособить ей разбирать вещи, и он не вызвался, а сказал: «Я буду сидеть в кабинете; если что понадобится, вы позовете; и если кто придет, я отопру дверь, вы не беспокойтесь сама», — и преравнодушно ушел в кабинет. Долго пересматривал он полки с книгами, раздумывая, какую взять, наконец, с радостью сказал: «А, вот это хорошо, что попало» — это он сказал, прочитав на переплете

нескольких томов I. Newtonii Opera omnia — полное собрание сочинений Ньютона, — торопливо стал перебирать томы, один за другим, отыскал, какой нужно, и с любовною улыбкою перечитал заглавие сочинения, мысль о котором так его одушевила: In Apocalypsin Commentariorum libri V, то есть «Толкование на Апокалипсис». — «Да, эта сторона истории знания до сих пор оставалась у меня пробелом. Ньютон писал этот комментарий в старости, когда был наполовину человеком в здравом уме, наполовину помешанным. Книга классическая по вопросу о смещении безумия с умом. Ведь это смещение почти во всех книгах, почти во всех головах. Но здесь оно должно быть в образцовой форме. Во-первых, гениальнейший ум, во-вторых, и примешавшееся к нему безумие — признанное, бесспорное безумие. Значит, книга капитальная по своей части. Тончайшие черты общего явления должны высказываться здесь рельефнее, чем где бы то ни было, и никто не может подвергнуть сомнению, что это черты именно того явления, которому принадлежит, — черты смещения безумия с умом. Сочинение, достойное изучения». Он с усердным наслаждением принялся читать книгу, которую в последние сто лет едва ли кто мог прочесть, кроме несчастных корректоров ее: читать ее для кого бы то ни было, кроме Рахметова, то же самое, что есть песок или опилки. Но ему было вкусно.

Если бы я был художником вроде наших великих художников, имеющих куаферские понятия об искусстве и взгляд очень благородного и образованного фата средней руки на жизнь и людей, я присочинил бы к тому, что я рассказываю, какую-нибудь пружину, чтобы Рахметов стал участвовать в действии романа, и нарисовал бы фигуру, на лбу у которой красивым и четким шрифтом было бы отпечатано: «видите, добрые люди, как тупоумен мой автор и как ни бельмеса не понимает, что выходит из того, о чем пишет, и что он не человек, а кукла из старого тряпья». — Если бы я был истинный художник, я взял бы предметом рассказа те стороны жизни, в которых Рахманов был главным действующим лицом, — это мне очень хотелось бы сделать; но с такою задачею я не справился бы. Но хоть я и плохой писатель, а все же могу исполнять требования — если не искусства, то по крайней мере сносной беллетристики — лучше наших великих художников, я знаю, что для этого надобно просто рассказывать без присочинений все, что нужно для оттенения главных лиц и положений рассказа; потому не присочиняю пружин для введения Рахметова в участники действия, а просто [говорю]: да, он не был действующим лицом в истории, которую я рассказываю, а все-таки, [если бы] его лицо не было бы поставлено в романе подле главных действующих лиц, как стоит подле них в жизни, то черты главных действующих лиц не будут иметь своей житейской определенности.

Без Рахманова огромное большинство читателей сбилось бы с толку насчет главных лиц романа. Ведь оно уже готово назвать Веру Павловну, Аспухова, Кирсанова героями, лицами идеальными. Точно, в сравнении с людьми других типов они герои. Но те читатели, которые близко знают живых людей этого типа, видят, что мои три героя — нисколько не герои, а люди вовсе не выше общего уровня людей своего типа, что каждый из людей этого типа переживал много событий, в которых действовал точно так же, как они действуют у меня, — положим, не тех именно событий, как рассказываемое мною: ведь вовсе не каждая порядочная женщина чувствует страстную любовь к приятелю мужа, не каждый порядочный человек борется со страстью к замужней женщине, да еще целые три года, и принужден бывает застрелиться ли на мосту, или так неизвестно куда пропасть из гостиницы; но каждый порядочный человек не счел бы равно никаким геройством [поступить] точно так на их месте, и много раз поступал не хуже в случаях, не менее или гораздо побольше трудных, и все-таки не считает себя удивительным человеком, а только думает о себе, что, дескать, я так себе, ничего, довольно честный человек. Так и смотрели на себя и Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов, и смотрели на них все хорошие знакомые их, то есть люди, в их роде, — как на людей обыкновенных в своем роде. Но Рахметов и в их кругу считался человеком особенным. Таких людей немного. Но знать их не мешает: кроме того, что они дают своим высоким станом мерку судить

о росте массы людей их типа, они важны и сами по себе: это двигатели двигателей, это теин в чаю, букет в благородном вине, это соль соли земли...

Таких людей, как Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов, я знаю сотни и забыл сотни. Таких людей, как Рахманов, я встречал только девять человек, и никогда не сгладится ни одна черта ни одного из них в моей памяти. Двое из этих людей — женщины, семеро — мужчины.

Тот из них, которого я встречал в кругу Лопухова и Кирсанова и о котором расскажу здесь, служил живым доказательством, что в сне Веры Павловны рассуждения Лопухова и Алексея Петровича о почвах требуют оговорок. Нет такой почвы, в которой не попадались бы хоть маленькие клочочки, на которых могут вырастать здоровые колосья. Генеалогия Веры Павловны, Лопухова, Кирсанова не восходила дальше дедушек с бабушками. Рахметов был из фамилии, известной с XIII века. В числе татарских темников — корпусных начальников, — перерезанных в Твери вместе с их войском за намерение обращать народ в магометанство, — намерение, которого наверное не было у них, а правду сказать, просто за притеснения, был Рахмет. Сын Рахмета, маленький Латыф — Михаил, рожденный от жены русской, насильно взятой, племянницы тогдашнего тверского «дворского» — звание, похожее на французских майордомов или коннетаблей — был пошажен за мать, и от этого Михаила Рахметовича пошли Рахметовы. Они в Твери были боярами, в Москве стали только окольничими, в Петербурге в прошлом веке делались генерал-аншефами, конечно, далеко не все: фамилия разветвилась очень многочисленная.

[К стр. 539]

— Но, Р., назовите это не ревностью — все равно, ведь, наконец, больно ж, если вы любите кого-нибудь, а он не отвечает вам любовью.

— Это другое дело. Может быть, я хотел бы теперь играть в пикет, а вы не хотите, мне очень огорчительно это. Что ж это, ревность во мне? И почему вы не хотите? просто потому, что не хотите, а не потому, чтоб кто-нибудь стал ревновать? Нет, или потому, что вы вообще не хотите играть в преф или потому, что не хотите играть со мною.

— Но я могу не хотеть играть с вами потому, что играю в пикет с другим.

— Тогда хорошее чувство и будет ревность.

— Что ж, вы

[К стр. 548]

В детстве я всегда, когда мог, уносил в какой-нибудь уголок лакомый кусок, чтоб съесть его наедине, на досуге. И теперь стакан чаю выпить наедине для меня вдвое приятнее. Как это назвать?

Отдыхая один, я делаю то же самое, что делают другие вместе с другими — я болтаю слегка о пустяках и не-пустяках, но — говорю с самим собою; я сам для себя общество. У меня есть наклонность легко раздваиваться, как будто распадаться на двух человек, из которых один заменяет другому собеседника. Понятно, что третий собеседник, настоящий другой человек, тут уж лишний, он мешает интимной беседе двух, которые уже есть во мне. Как понять отношение между этими двумя чертами моей склонности к уединению? От наклонности к нему развилась во мне способность так легко разделяться на двух собеседников, или эта способность — коренная черта и уже от нее развилась наклонность к уединению? Я вижу, что у меня в этом отношении слишком живая фантазия, — от живости ли фантазии стала ненужною, лишнею мне поддержка легкой движения мыслей содействием других, которая нужна для других, или оттого, что присутствие другого мне лишнее, стала так жива моя фантазия? Я не разберу, как это произошло вначале, это произошло еще в детстве, и я не помню, как это было.

[К стр. 597]

И вот таким образом шло это дело доброжелательства, и поэтому или не поэтому стали Вере Павловне сниться сны, из которых вот один, который

она видела уж после той, другой свадьбы, еще не рассказанной мною, когда семейный кружок Кирсановых состоял уже не из двух лиц, а из четырех, — так что этот сон помещается здесь вовсе не по хронологическому порядку, — и зачем он помещается здесь, а не там, где следовало бы ему быть по хронологическому порядку, неизвестно; да и вообще зачем он помещается, тоже неизвестно — все это надобно объяснить просто тем, что я плохой рассказчик, говорю о многом не на тех местах, где сообщил бы его хороший рассказчик, — но уже каков я есть, таков пусть и буду, — откуда же мне взять умение рассказывать хорошо, если не дано мне природой этого умения, — уж извините, пишу как умею, и если что-нибудь выходит не у места или что-нибудь выходит лишнее, не взыщите.

Итак, вот один из этих снов Веры Павловны.

Пятый сон Веры Павловны (пометка Ч.: «лишнее? или глава пятая»).

Она входит в комнату мужа, — муж лежит и читает книжку.

— Я тебе помешала?

— Нет, это я от нечего делать пересматриваю, чтоб припомнить, а то уж начинаю спутывать подробности; — надобно рассказывать детям, что годится им рассказывать.

— Позволь, милый, тут картина, что это за чудовища?

— Эта огромная собака — Фенри; эта змея — средисветная змея, эта бледная женщина — Гела. Вспоминаешь? Вероятно, тебе случалось читать рассказы из Эдды?

— Да, теперь вспоминаю, — это, должно быть, Один, — ведь [он] одноглазый, это он, да? — А этот, с молотком, Тор? — А вот этого я не припоминаю, однорукого, — кто это?

— Тир.

— А это, должно быть, Локи?

— Да.

— Локи, Гела — знаешь что, мой милый, ведь Эдда писана приверженцами их врагов. Помнишь, этот чудный эпизод в «Консуэло», рассказ о чешском поверье про «того, кого обижают», кого оклеветали, кого не понимают. Локи, Гела — мне кажется, что и они оклеветаны.

— Благодарю тебя, — говорит Локи, — он выступает из картины, он вырос, он стоит перед нею с грустною улыбкою, — благодарю.

[К стр. 608]

Когда консилиум разошелся и Кирсанов остался у больной, он сел подле и заговорил таким образом:

— Первая обязанность медика — развлечь пациента. Позвольте мне для вашего развлечения и для начала знакомства рассказывать вам анекдоты: В каком роде будет вам интереснее слышать? О суровых родителях, или о капризах, или о любви, или о необыкновенных приключениях? Я знаю много всяких.

Говоря это, он, разумеется, смотрел на больную.

— Вам все равно, кажется? Так я расскажу вам тот, который мне самому нравится. Он был со мною. А надобно вам сказать, кто я. Я практикою не занимаюсь. Поэтому, если я хочу лечить вас, значит, я интересуюсь вами. Поинтересуйтесь же и вы моим анекдотом. Теперь я страстно люблю женщину, которую едва ли когда перестану любить и которая едва ли когда даже узнает, что я люблю ее. Значит многое можно понимать. Но это еще не анекдот. Анекдот вот в чем: когда я был студентом первого курса, я имел уроки в Петергофе. На пароходе я увидел женщину, в которую влюбился. Я ездил во вторых местах, — чтоб видеть ее вблизи, я взял билет первого класса. На другой день я стоял с утра на набережной у петергофского парохода и, наконец, дождался ее — она возвращалась, я, разумеется, взял билет. На другой день я стоял на петергофской пристани, — ее не было в этот день; я стоял другой день и дождался: она снова ехала в Петергоф. Конечно, я тоже взял билет. Когда я ехал с нею в пятый раз, она сошла с палубы в каюту. Погода была хорошая, в каюте никого не было. Через несколько времени я пошел в каюту. Она сидела и плакала. Как у меня достало смело-

сти — я удивлялся через месяц, вспоминая; — впрочем, я всегда был смел. Я подошел к ней и сказал: «У меня в Петергофе уроки, стало быть, я очень небогатый человек. Я всегда ездил во вторых местах; с тех пор как я увидел вас, я беру билет в первое место. Заметили ли вы, чтоб я искал случая познакомиться с вами? нет, я и теперь не заговорил бы с вами, — но скажите, не могу я что-нибудь сделать для вас? Это не признание в любви, это только признание в том, что я человек, очень преданный вам.

— Мы давно не говорили о Кирсановых, — сказала однажды Катерина Васильевна.

— Это потому, что я не спрашивал вас о них.

— Нет, если вы охладели к ним, то [я] все больше привязываюсь; но во все это время, — вот уже недели две, — мне было неловко говорить о них, потому что я узнала из жизни [их] очень важное обстоятельство, которое не умела себе объяснить в их пользу, а между тем чувствовала, что это не может быть так. Как я узнала, Кирсанов — второй муж Веры Павловны, фамилия первого ее мужа была Лопухов.

— Что ж из того, что молодая женщина повенчалась во второй раз, потеряв первого мужа? Надеюсь, вы не индианка, которая считает обязанностью сжигаться с первым мужем, — это хорошо в балладе Гете, но в действительности совершенно лишнее, — сказал Бьюмонт.

— Вы смеетесь, мистер Бьюмонт, потому что не хотели дослушать. Он погиб от любви к ней, и она через полторы недели повенчалась с его соперником — я так узнала тогда, две недели тому назад, из их разговора с Мерцаловыми, у которых я была вместе с ними. Я стала спрашивать подробности, чтобы как [нибудь] объяснить себе это, Мерцалов отвечал по своей манере шуткой, силогизмом, педантическими формулами: «все действительное разумно; свадьба Кирсановых действительна, следовательно, она была разумна. Если вы, Катерина Васильевна, сомневаетесь в справедливости большей посылки, которая действительно фальшива, то будем диспутировать о ней, — если вы принимаете ее, хотя она и фальшива, то не можете не допустить заключения, что свадьба была разумна». Все засмеялись — и больше ничего. Это чрезвычайно поразило меня, — такая бесчувственность в таких отличных людях.

— Если люди отличные, то, верно, они не бесчувственны, — вероятно, не надобно было больше им огорчаться о том, что вам показалось ужасно.

— Но я не успокоилась такими доказательствами.

К стр. 631]

Но если бы послушать разговоры Катерины Васильевны и Бьюмонта, то многие нашли бы, что она и Полозов ошибаются. Не то, чтобы предполагаемые невеста и жених вовсе не говорили между собою о чувствах, — нет, говорили, как и обо всем на свете, но мало; и это бы еще ничего, что очень мало; но главное, каким тоном говорили и что говорили! Очень многим такие рассуждения — потому что ближе всего назвать это рассуждениями — покажутся даже совершенно невозможны между девушкою и человеком, о котором она думает, что он любит ее. — Например, — это было через месяц после начала их знакомства; продажа завода была покончена, мистер Лотер собрался уехать на другой [день] (и уехал, — не ждите, что он произведет какую-нибудь катастрофу: он, как следует негоцианту, сделал коммерческую операцию, объявил Бьюмонту, что фирма назначает его управляющим завода с жалованием в 1000 фунтов, чего и следовало ждать, и больше ни во что не вмешиваясь, — какая ж ему надобность, сами рассудите); акционеры, в том числе Полозов, завтра же должны были получить (и получили, опять не ждите никакой катастрофы: — фирма Ходчсона, Лотера и К^о — очень солидная) половину денег наличными, а другую половину векселями на трехмесячный срок; Полозов в удовольствии от этого сидел за столом и пересматривал денежные бумаги, отчасти слушал и разговор дочери с Бьюмонтом, когда они проходили через гостиную — они ходили вдоль, через все четыре комнаты квартиры, бывшие рядом на улице:

— Если женщины стеснены предрассудками, — говорил Бьюмонт, не счи-

тая нужным делать англицизмы и американизмы, — то и мужчины — я говорю о порядочных людях — подвергаются от этого большим неудобствам. Скажите, как жениться на девушке, которая не испытала простых житейских отношений? Она не может судить, будет ли ей нравиться жизнь с человеком такого характера, как ее жених, — она не знает его будничного, настоящего характера, не знает будничного характера других, которые могли бы быть ее женихами. Почему знать? быть может, ей будет неприятностью в муже то, чего она совершенно не могла замечать в женихе. От этого свадьба для нее — риск; так, но и для порядочного человека, который женится на ней, — тоже.

— Вы хотите, чтобы замуж выходили только вдовы? — смеясь, отвечала Катерина Васильевна.

— Именно. Вы выразились очень удачно. Девушкам должно быть запрещено выходить замуж.

— Это правда, — серьезно отвечала Катерина Васильевна.

Полозову сначала дико было слушать такие разговоры или доли разговоров, выпадавшие и на [его] слух. Но теперь он уже по привычке и думал: «что ж, я сам человек без предрассудков. Я занялся торговлею, женился на купчихе».

На другой день эта часть разговора — ведь это была только небольшая часть в разговоре, который вообще шел вовсе не о том, а о всяких других предметах — продолжалась таким образом:

— Вы рассказывали мне историю вашей любви к Соловцову. Но что это такое? Это было ребяческое чувство, которое не дает никакой гарантии. Это годится для того, чтобы шутить, вспоминая, и грустить, если хотите, потому что здесь есть очень прискорбная сторона. Вы спаслись только благодаря редкому случаю, что дело попало в руки Кирсанова; иначе вы погибали от чихотки или от негодая. Можно вывести из этого основательные мысли о вреде тех или других вещей, которые губили вас. Вы их и вывели. Все это прекрасно. Но это только сделало вас более рассудительным и хорошим человеком, а еще несколько не дало вам опытности в различении того, какого характера муж нужен вам. Не негодай, а честный человек, — вот что могли вы узнать. Прекрасно. Но разве всякая порядочная женщина может хорошо ужиться со всяким честным человеком? Нужно более точное различение характеров, то есть, нужна совершенно другая опытность. Мы вчера решили, по вашему выражению, что замуж должны выходить только вдовы. Вы рассказывали мне вашу жизнь. Какая ж вы вдова?

Все это было говорено с каким-то неудовольствием, а последние слова отзывались прямо досадою, даже укоризною.

— Это правда, — несколько уныло произнесла Катерина Васильевна, — но все-таки я не стану обманывать.

— И не сумели бы, потому что нельзя подделаться под опытность, когда не имеешь ее.

— Но, мистер Бьюмонт, и нельзя же требовать этого. При условиях нашей жизни, при наших понятиях, нельзя желать для девушки того знания будничных отношений, о котором вы говорили. Пусть она будет влюбляться, пусть она входит в какие угодно отношения — это почти никогда ничему не поможет. Пользы нельзя ждать, а опасность огромная. Девушка или в самом деле унижится, научится хитрить, обманывать, потому что ведь она должна будет обманывать родных и общество, скрываться от них, — от этого уж недалеко и переход до обманов, действительно дурных, — очень возможно и то, что она в самом деле делается легкомысленною, или, если этого не будет, если она останется хороша, то ее сердце будет разбито. А между тем она все-таки почти ничего не выиграет в будущей опытности; потому что эти отношения эффектные, праздничные. Вы видите, что этого никак нельзя советовать при нашей жизни.

— Конечно, Катерина Васильевна; но именно это и дурно.

— Разумеется, мы в этом согласны.

Что это такое? — Не говоря уже о том, что это чорт знает что такое со стороны общих понятий, — какой смысл это имело в личных отношениях? —

Мужчина говорит: «я сомневаюсь, будете ли вы хорошою женою мне». А девушка отвечает: «Нет, пожалуйста, сделайте мне предложение». Удивительно!

— Я одному удивляюсь, — продолжал Бьюмонт на третий день, — что при таких условиях бывают еще счастливые браки.

— Вы говорите таким тоном, будто досадуете на то, что бывают счастливые браки, — смеясь отвечала Катерина Васильевна, — она теперь, как заметно, часто смеется таким тихим, но веселым смехом.

— А в самом деле, они могут наводить на грустные мысли — вот какие: если при таких ничтожных средствах судить о своих потребностях и о характерах мужчин, девушки все-таки умеют довольно часто делать удачный выбор, то какую же светлость и здравость ума в женщине, какую верность, силу, пронизательность его показывает это? — и этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задущает его, — а история человечества пошла бы вперед в десять раз быстрее, если бы этот ум не был отвергаем и убиваем, а действовал бы.

— Вы панегирист женщин, мистер Бьюмонт; нельзя ли объяснить это проще, — случаем?

— Случай? — сколько хотите случаев объясняйте случаем; но когда случаи многочисленны, то вы знаете, кроме случайности, которая производит часть их, должна быть и какая-нибудь общая причина, от которой происходит другая часть. Здесь нельзя предположить никакой общей причины, кроме моего объяснения: здравость выбора от пронизательности ума.

— Вы — мистрис Бичер-Стоу по женскому вопросу, мистер Бьюмонт; та доказывает, что негры самое даровитое из всех племен, что они выше белой расы по умственным способностям.

— Вы шутите, я вовсе нет.

— Вы, кажется, сердитесь на меня за то, что я не преклоняюсь перед женщиною? Но примите в извинение хотя трудность стать на колени перед самою собой.

— Вы шутите, а я серьезно досадую.

— Но не на меня же? Я нисколько не виновата в том, что женщины не могут делать того, что нужно по вашему мнению. Впрочем, если хотите, и я скажу вам свое серьезное мнение, — только не о женском вопросе: я не хочу быть судьей в своем деле, — а собственно о вас. Вы человек очень, очень сдержанного характера, — и вы горячитесь, когда говорите об этом. Что из этого следует? То, что у вас должны быть какие-нибудь личные отношения к этому вопросу, — вероятно, вы пострадали от какой-нибудь ошибки в выборе, сделанном девушкою, как вы называете, неопытною.

— Может быть, я, — может быть, кто-нибудь другой, близкий ко мне; во всяком случае, это невесело. Однако подумайте, Катерина Васильевна. Я через три дня попрошу у вас ответа.

— На вопрос, который не был предложен? Но разве я так мало знаю вас, чтобы думать три дня? — Катерина Васильевна встала, подошла к Бьюмонту и поцеловала его в лоб.

По всем бывшим примерам и даже по требованию самой вежливости Бьюмонту следовало бы обнять ее и поцеловать уже в губы; но Бьюмонт вместо этого только пожал ее руку:

— Так, Катерина Васильевна; но все-таки подумайте.

— Но кто ж вам сказал, Чарли, — Катерина Васильевна села подле него и обняла одной рукой его талию, другая рука оставалась в руке странного жениха этой странной невесты, — кто ж вам сказал, что я уж не думала об этом гораздо более трех дней?

— Может быть, — конечно, — я видел, — но все-таки...

— Полноте, Чарли, вы уже слишком опасаетесь, что я могу раскаться.

— Конечно, Катерина Васильевна, этого не будет; но у меня был пример. Мужчине это ничего; но для женщины, при наших условиях жизни, это приносит много огорчений. Я видел своими глазами. Один из моих друзей, — положим, что это был один из моих друзей, — где это было, все равно, — в Нью-Йорке, Бостоне, в Филадельфии, где-нибудь, — был женат на женщине очень хорошей. Она также считала его очень хорошим человеком. Они были чрезвы-

чайно привязаны друг к другу. И однако ж, они не могли ужиться вместе. Он был готов отдать голову за малейшее увеличение ее счастья. Но, будучи готов на все для нее, он хотел жить так, чтобы никто не тревожил его без надобности в нем, и не в силах был сделать исключения из этого даже для нее. Он хотел сделать это исключение, когда увидел, что она хочет этого; но это ему не удалось. Она много страдала от этого. Это неприятно.

— Я могла слышать от кого-нибудь эту историю? — спросила Катерина Васильевна.

— Может быть.

— Я еще не давала тебе ответа?

— Нет.

— Ты знаешь его?

— Знаю, — сказал Бьюмонт, и только теперь началась обыкновенная сцена, какой следует быть между женихом и невестой, с поцелуями и объятиями.

— Вы хотите, чтобы замуж выходили только вдовы? — смеясь сказала Катерина Васильевна.

— Вы выразились очень удачно. Только вдовы. Девушкам должно быть запрещено выходить замуж.

— Это правда, — серьезно сказала Катерина Васильевна.

— Вы рассказали мне историю вашей любви к Соловцову. Но что это такое? Это было ребяческое чувство, оно не дает вам никакой опытности. Это годится для того, чтобы иногда шутить, вспоминая, и грустить, если хотите, потому что есть очень прискорбная сторона. Хорошо, что вы спаслись.

— Правда, — несколько уныло произнесла Катерина Васильевна: — но все-таки, я [не] стану обманывать.

— И не сумели бы, потому что нельзя подделываться под опытность, когда ее не имеешь.

— Но, мистер Бьюмонт, и нельзя же требовать этого. При условиях нашей жизни, при наших понятиях, девушке невозможно иметь того знания будничных отношений, о котором вы говорили. Пусть она влюбляется, пусть она испытает несколько связей, это почти никогда несколько не поможет, пользы от этого ждать нельзя, а опасность огромная. Девушка или в самом деле унизится, научится хитрить, обманывать, — ведь она должна будет обманывать родных, скрываться от них, очень много шансов, что она делается очень легкомысленна; если ж этого не будет, то ее сердце будет разбито. А в будничной опытности она все-таки почти несколько не выиграет, потому что это отношения эффектные, праздничные. Вы видите, что ваше требование невозможно при нашей жизни.

— Это и дурно, Катерина Васильевна, что оно невозможно.

— Разумеется, — сказала Катерина Васильевна, — мы в этом согласны.

Станные разговоры между девушкой и человеком, который, по ее мнению, собирался просить ее руки.

— Я одному удивляюсь, — опять говорил другой раз Бьюмонт, и опять с досадою, — что при таких условиях еще бывают счастливые браки.

— Вы как будто досадуете на то, что бывают счастливые браки, — смеясь говорила Катерина Васильевна (она, как заметно теперь, часто смеется — таким тихим, но веселым смехом).

— Но почему они наводят на грустные мысли, я вам скажу: если при таких ничтожных [средствах] судить о своих потребностях и о характере мужчин, девушки все-таки довольно часто умеют делать удачный выбор, то мне думается, какую же здравость и светлость ума, какую проницательность ума в женщине показывает это! И этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задущает его, — а история пошла бы в десять раз быстрее, если бы [он] не был убиваем, а действовал бы.

— Да, вы панегирист женщин, мистер Бьюмонт; но нельзя [ли] объяснить проще — случаем?

— Случай? сколько хотите случаев объясняйте случаем; но как скоро случаи многочисленны, то, вы знаете, кроме случайных причин, от которых

происходит часть их, должна быть и общая причина, от которой происходит другая часть. Эта общая причина может быть здесь только одна — здравость выбора от силы и проницательности ума.

— Вы решительно мистрис Бичер-Стоу по женскому вопросу, мистер Бьюмонт. — Та доказывает, что негры — самое даровитое из всех племен, что они по уму гораздо выше белой расы.

— Права ли она, я не знаю; но что я прав, я знаю.

— Вы, кажется, сердитесь на меня за то, что я не преклоняюсь перед женщиною. Но примите в извинение хотя трудность стать на колени перед самой собой.

— Это вовсе не шутки, Катерина Васильевна. Я говорю серьезно, а вы надо мною подсмеиваетесь, — сказал Бьюмонт решительно с досадой.

— Сказать вам серьезно мое мнение? — извольте, только не о женском уме, потому что я не хочу сама быть судьей в своем деле, — а о вас. Вы человек очень сдержанного характера, — и вы горячитесь, когда говорите об этом. Что из этого следует? То, что у вас должны быть какие-то личные отношения к этому вопросу, — вы, должно быть, пострадали от какой-нибудь ошибки в выборе, сделанной женщиною неопытною, как вы говорите.

— Если это было, то это прошло. Но этим замечанием вы даете новое доказательство тому, что я прав, говоря о проницательности ума женщины.

— Мистер Бьюмонт, вы говорите комплимент, — я ужасаюсь.

— Это не комплимент, а аргумент, Катерина Васильевна.

— Правда. А вот видите, я сделала ошибку, приняв аргумент за комплимент, — следовательно, мой ум уж не до такой степени проницателен, как вам угодно утверждать.

— Вы не ошибались, вы шутили.

— Да, мне хотелось бы услышать от вас хоть одну любезность, мистер Бьюмонт, — ведь я женщина, мистер Бьюмонт, женщины любят любезности, а вы до сих пор не сказали мне ни одной.

— Женщина! Вы не женщина, а девушка, — добрая, благородная, но все-таки девушка, — с досадою сказал Бьюмонт.

Тут Катерина Васильевна уж не выдержала и расхохоталась.

— Катерина Васильевна, через три дня я попрошу у вас серьезного ответа.

— На вопрос, который не предлагался? Но разве я так мало знаю вас, чтобы мне иужно было думать три дня? — Катерина Васильевна встала, подошла к Бьюмонту и поцеловала его в лоб.

Он пожал ее руку.

— Так, Катерина Васильевна; но подумайте. Я сказал слишком мало: три дня, подумайте об этом еще.

— Хорошо, если вам решительно угодно [иметь] еще другой ответ, кроме того, который я вам дала, то я вам [отвечу] завтра.

— Подумайте еще об этом неделю.

— Но кто ж вам сказал, что я не думала об этом две недели.

— Может быть, — конечно, — я видел, — но этого мало, — подумайте еще.

[К стр. 639]

— [Если бы мы] предвидели это, мы взяли бы с собою кинжалы, а теперь мы не можем заколоться.

— Когда принесут закуску, заколемся вилами, — говорит другой. — Два других с чувством жмут [руки] и говорят: благодарим за прекрасную мысль. — Все четверо уходят в другой угол комнаты.

— Какой она молодец! — серьезным тоном тихо говорит один из них, когда они усаживаются в этом другом углу комнаты.

— Да, ты правду говорил про нее, — замечает другой, обращаясь к одному из остальных, — молодец, молодец.

— Я был уверен, когда уж он сказал, что молодец, он даром не похвалит, — говорит третий.

— Хорошая женщина, — говорит тот, рекомендация которого [была] найдена справедливой.

— Оя ее не, стоит, — говорит первый.

— Отчего? Он хороший человек, — говорит второй.

— Кто ж говорит — нехороший? — говорит первый. — Хороший. [а] не стоит ее.

(— А я бы тебя попросил указать мне человека, который бы ее стоил, — говорит тот, который был с нею знаком раньше.

— Уж будто я людей нет! — говорит третий.

— Укажи.)

— Конечно, не стоит, — говорит третий, — но не в этом дело, а как находишь все это?

— Что тут находить? — говорит четвертый: — отлично дурно, следовательно — отлично. — Все хохочут.

В другом углу зала:

— Начинай, Чарли, начало твое.

— Как же мне начинать, Верочка? Я ничего не знаю, я человек приезжий, — говорит Бьюмонт.

— Когда он не хочет, то я за него, — говорит Катерина Васильевна, обращаясь к даме в трауре. — Что с вами? — прибавляет она в испуге.

— Что с вами? — говорит Кирсанов.

— Чарли, воды! — говорит Катерина Васильевна.

— Нет, это ничего, — говорит дама, — это сейчас пройдет (только позвольте мне на несколько минут встать, уйти), прошло, только теперь я не могу вас слушать — пожалуйста, не говорите об этом, мне совестно, — говорит дама в трауре...

Через пять минут:

— Господа рабы! — кричит она, — ко мне! Дама в трауре идет к рояли. — Вы были огорчены моею жестокостью, — мне стало жаль вас — я хочу вас утешить — что бы вам спеть? Ах, вот что! — и она запела, стараясь выводить ноты как можно визгливее и сентиментальнее:

Стонет сизый [голубочек],
Стонет [он и день, и ночь],
[Его миленький дружок]
Отлетел дал...

Все зажимали рты, чтоб не фыркнуть от смеха, но голос дамы задрожал в самом деле.

— Не удастся, господа, — надобно что-нибудь другое, — а между прочим вот вам мое материнское наставление: не влюбляйтесь и знайте, что вам не должно жениться, — я вам спою:

Много красавиц [в аулах у нас
Звезды сияют во мраке их глаз,
Сладко любить их — завидная доля],
Но веселей молодецкая воля.

— Этот стих не годится, нужно бы другой, но это все равно, вы понимаете, а вот дальше хорошо:

Не женися, молодец,
Слушайся меня.

— Дальше глупость, не стоит петь. Впрочем, господа, и влюбляться можно, и жениться можно, — только с разбором, и без обмана. Тогда нельзя будет жалеть. Я вам спою про себя, как я выходила замуж. Романс старинный — но ведь и я старуха.

— Я шотландка, дочь барона, я сижу в балконе, в нашем замке Дальтоне, подле лес и река Брингал. К балкону подходит мой жених — он бедный, а я богатая, но я его очень люблю, и я пою:

Я убегаю с тобой из моего замка, —

— Что ж он отвечает мне? как вы думаете? — Вот что поет он:

Ты [хочешь, дева, быть моей
Забывать свой род и] сан?

— Ведь я вам говорила — я знатная, дочь шотландского барона. — я очень похожа на дочь шотландского барона, не правда ли? такая беленькая, белокурая?

Но раньше [ты должна узнать,
Какой мне жребий дан.]

— Он рассказывает мне, господа, кто он — он разбойник. — что ж, ведь и это правда, господа.

О дева, друг недобрый я,
Глухих [лесов жилец,
Опасна будет жизнь моя,
Печален мой] конец.

— Но я все-таки отвечаю: все-таки я иду с тобой на все. И пошла. Так, можно и жениться. Только умеете выбирать.

Месяц встает
И тих и спокоен...

— Ах, вы наделали много вздору, — сказала дама в трауре, — теперь умнее. А ведь это все ужасно забавно.

— Ты знал его?

— Немного. Но точно, это человек, — вот как она.

— Вот бы пара.

— (Они мне милы в одиночку.) Такие люди парами не живут (— сожгут друг друга). Каждый из них должен командовать. Двум командирам нужны разные команды.

— Правда. А где он теперь?

— Говорят, в последний раз видели [его] между Веной и Мюнхеном, говорил, что через год уедет в Америку.

— Бьюмонт не встречал его там?

— Нет.

— Так и неизвестно, где он?

— Неизвестно.

— А пора б ему воротиться!

— Да, пора.

— Не беспокойтесь, не пропустит своего времени.

— Да, а если [не] возвратится?

— Так что ж? (Ты знаешь, свято место не бывает [пусто].) За людьми никогда не бывает остановки, если будет им дело: — найдется другой, — был бы хлеб, а зубы будут.

— А мельница мелет, сильно мелет! — Готовит хлеб!

Так проходит вечер, — пора по домам.

— Позвольте еще тост, — сказала дама в трауре...

К ЮНОШЕСКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

Теория и практика

«Теория и практика» принадлежит к юношеским произведениям Чернышевского, написанным в студенческие годы. Это был уже третий опыт. Первым был «рассказ о Лили и Гёте», получивший потом заглавие «Пониманье» (сохранившийся отрывок напечатан на стр. 696—699). Вторым опытом была «История о Жозефине», о которой Чернышевский вначале говорит как «о рассуждении» на тему «необходимости отрицательного воспитания» («Дневник» 13 января и 17 февраля 1849 года), потом как о повести (см. особая запись 17 и 19 февраля 1849 г.). «История о Жозефине» была закончена 2 марта и передана в редакцию «Современника». В «Дневнике» отмечено, что 18 июня этого